

Глава 25. Разбитый кувшин

При виде кувшина Лю Лаоэр заметно занервничал.

— Третья невестка, уймись ты наконец! — прикрикнул он, пытаясь сохранить самообладание.
— Вино-то всё выпито, что там лекарь разглядит в пустой посудине?

— А не потому ли ты мне мешаешь, что совесть нечиста? — Гуань-ши прижала кувшин к груди, вцепившись в него мёртвой хваткой. — Я его ещё не мыла. Городские лекари народ учёный, глаз у них намётанный, уж они-то точно правду учуют!

— Да делай что хочешь! — бросил Второй Лю, стараясь казаться равнодушным.

Он полагал, что Гуань-ши — баба недалёкая и дальше ворот не убежит. Но не на ту напал: женщина и впрямь рванула со двора, оглашая окрестности истошными воплями о том, что непременно выяснит, кто покушался на жизнь её мужа.

Лю Лаоэр и остальные пытались её остановить, но не преуспели. Лишь когда она отбежала на несколько сотен метров, мужчины наконец настигли её и принялись уговаривать, пытаясь силой утащить назад. В этой суতোлке Гуань-ши, разгорячённая спором, не удержала равновесия и выпустила кувшин. Посудина с глухим звоном ударилась об острый камень и разлетелась на мелкие черепки.

Гуань-ши замерла, глядя на осколки, перемешанные с дорожной пылью. Собирать их теперь не было никакого смысла. Лишившись последней зацепки, она заголосила ещё громче, обвиняя Сяо Цянь-ши в том, что та нарочно её толкнула, желая уничтожить улики.

Вторая невестка тоже не молчала:

— Руки у самой из того самого места растут, а теперь на других помои льёшь! — кричала она, оправдываясь перед обступившими их сельчанами.

Видя, что дело принимает совсем уж скверный оборот, вмешался Лю Лаоэо.

— Снохи, послушайте меня, — твёрдо произнёс он. — Мы все одна семья, и эта грызня сейчас никому не поможет. Третий брат лежит пластом. Давайте сначала всем миром соберём денег на лечение, а уж потом будем разбираться. Идёт?

Гуань-ши понимала: без улики её обвинения — пустой звук. А раз уж родственники согласны помочь с расходами на лекаря, упорствовать было глупо. К тому же, по совести говоря, Лю Лаосань сам был виноват: нечего было якшаться с Вдовой Цянь. Не будь в доме нужды в кормильце, невестка, возможно, и сама бы пожелала мужу скорейшей кончины после такого позора.

— Раз Младший так говорит, я уступлю, — вытирая слёзы подолом, проговорила она. — Мы и впрямь одной крови, негоже перед соседями срам выставлять. Только вот что делать, если эта вдова снова на порог заявится денег требовать?

Старуха Лю гневно сплюнула:

— Сама бесстыжая, путается с кем попало, а мы отвечать должны? Слава небесам, нынешний Государь милосерден. В прежние династии таких девок в клетке для свиней в реке топили, не смела бы она даже пасть свою открывать!

Сяо Цянь-ши, однако, заступилась за соплеменницу:

— Третий брат сам не лучше, а она — женщина одинокая, бесправная. Может, он её силой принудил?

Старик Лю, которого и так трясло от стыда, услышав, как невестка защищает эту блудницу, побагровел.

— Кабы не она, Третий бы сейчас горя не знал! — прохрипел он, задыхаясь от ярости. — Ещё раз услышу, что ты за неё заступаешься — велю Второму Лю разводную тебе выписать, и катись на все четыре стороны!

Младшая Цянь мгновенно прикусила язык. В её родной семье уже была одна вдова, и если муж её выставит, то братья и их жёны её живьём съедят — из-за такого позора племянниц никто замуж не возьмёт.

А вот жёны Четвёртого Лю и Лю Лаояо, наблюдавшие за сценой со стороны, были явно недовольны. Супруга Младшего, правда, промолчала — она знала, что её муж выгоды не упустит, и раз он предложил мировую, значит, так надо. Зато жена Четвёртого смолчать не смогла:

— С какой стати?! Моя семья к этому не причастна, почему мы должны свои деньги отдавать?

Старик Лю, обычно тихий и покорный, на собственных невесток покрикивал с завидным воодушевлением:

— Потому что Третий — родной брат твоего мужа! Не хочешь платить — проваливай вслед за Второй невесткой!

Женщина, побледнев от обиды, ущипнула своего мужчину, но тот лишь ниже склонил голову. Ей оставалось только молча клясть про себя Лю Лаояо, который так легко распорядился чужим добром.

Когда толпа начала расходиться, Лю Тяньцзяо и Вэй Вэнькан тоже повернули к дому.

— А я-то надеялся, они там друг другу косы повыдергивают, — разочарованно протянул Цзяо Гэ'эр. — А всё закончилось пшиком. Слушай, Вэнькан, как думаешь, это Вторая тётушка дурмана подлила?

— Наверяд ли, — задумчиво ответил муж. — Она выглядела искренне удивлённой.

Он вспомнил испуганное лицо Второго Лю и добавил:

— Раз то вино взяли из нашего дома, не могло ли быть так, что снадобье предназначалось вовсе не Третьему дяде?

Тяньцзяо замер на полуслове. Смысл сказанного медленно доходил до него, и лицо юноши стремительно темнело от гнева. Осознав суть дела, он прошипел:

— Вот же твари неблагодарные... Чтоб их черви сожрали!

Если Третий Лю, будучи здоровым мужиком, едва не отдал концы от этого зелья, то что стало бы с Вэй Вэньканом? С его-то хрупким сложением — удар настиг бы его прямо в брачную ночь. А после, когда молодой супруг обнаружил бы бездыханное тело, кто стал бы искать правду в столь постыдной смерти? Идеальное убийство.

— Это точно дело рук Второго Лю! — Тяньцзяо сжал кулаки. — Нельзя это так оставлять.

Его спутник же оставался на удивление спокоен:

— И как ты это докажешь? Даже если бы кувшин уцелел, разве можно подтвердить, что яд подсыпал именно он?

— Но ведь чиновники в управе могут разобраться! — не сдавался гэ'эр.

— Раз никто не умер, а пострадавший и его жена не желают подавать жалобу, никто и пальцем не пошевелит.

— И что теперь, спустить им это с рук? А если они снова чего удумают?

Молодой человек лишь горько усмехнулся. Мысль о том, что его пытались известить столь подлым способом, жгла сердце, но он понимал их нынешнее положение.

— А что нам остаётся? Пойдем домой.

Тяньцзяо со злостью пнул подвернувшийся под ногу камень.

— Решено. Завтра же идём в город искать школу. Тебе нужно учиться.

Вэнькан запнулся на шаге.

— Позже обсудим, — тихо сказал он. — В поле ещё дел невпроворот.

Юноша, который, видимо, уже всё заранее разузнал, продолжал гнуть своё:

— Школу ещё найти надо. Говорят, те сюцаи, что держат частные уроки, народ привередливый. Особенно Учитель Ван. К нему в год по пятьдесят человек стучится, а берёт он от силы троих.

Его муж о таких тонкостях не слышал.

— Видать, Учитель Ван — человек больших знаний.

— Ещё каких! Я всё пронюхал. Хоть он и остался в звании сюцая, но талантом иных цзюйжэней превосходит. О нём даже в окружной столице слава идёт, просто с удачей на экзаменах не повезло.

— А ученики его как?

— Да блестяще! Каждый год кто-нибудь из его подопечных сдаёт на сюцая. Даже Сюцай Тянь из деревни Каошань много лет топтался на месте, пока не получил наставления Учителя Вана — только тогда и сдал экзамен.

Заметив, как у Вэнькана загорелись глаза, Тяньцзяо хитро прищурился:

— Что, захотелось к нему в ученики?

— Хотелось бы попробовать, — не стал таиться тот. — Вот только какова плата за учение?

— Говорят, Учитель Ван в этом деле человек настроения. Понравится ему ученик — может и вовсе бесплатно учить. А коли не по нраву придётся, так и тридцать лянов в год заломит. Давай попытаем счастья. Вдруг ты ему приглянёшься? Нам и даром не надо, пусть хоть за пять лянов возьмёт — и то выгода.

Вэнькан чувствовал одновременно и азарт, и робость.

— Думаешь, я справлюсь?

— А чего гадать? Попробуем — узнаем. Одно плохо: не жалуется Учитель Ван взрослых учеников. Говорят, характер у них уже закаменел. Надо нам что-то придумать.

Что до Сюэя Тяня, то Тяньцзяо знал — тот не был постоянным учеником, старик лишь давал ему советы по доброте душевной.

Вэнькан нахмурился:

— И что же тут придумаешь?

Юноша подтянул его к обочине и принялся что-то жарко нашептывать на ухо. Мысли о грядущей учёбе целиком захватили их обоих, и вскоре история с отравлением окончательно отошла на второй план.

***

Осенние экзамены только-только закончились — самое время для частных школ набирать новых учеников. Решив не откладывать дело в долгий ящик, на следующее же утро супруги отправились в город на воловьей повозке Дядюшки Цяя.

В этот день была ярмарка, так что желающих поехать нашлось немало. В основном это были старики да дети; взрослые же предпочитали добираться пешком, экономя медяки. Завидев двоих молодых людей в повозке, кто-то из сельчан ехидно подметил:

— Видать, замужество Тяньцзяо на пользу пошло. Раньше-то он каждую копейку берёт.

— И то правда, — подхватили другие. — Молодые совсем, а труда боятся.

Вэнькану и самому было неловко. Вспыхнув от стыда, он попытался слезть:

— Тяньцзяо, садись сам, а я дойду.

— Сиди, куда собрался? — Тяньцзяо крепко удержал его за плечо. — Деньги мои, на кого хочу — на того и трачу. Некоторым вон только бы родичам всё до копейки сплавить, а на своих — шиш.

Он усадил мужа рядом и с вызовом посмотрел на Тётушку из семьи Ван:

— Вам бы лучше о своём доме пеклись. А то вгоните своего мужчину в могилу, так не то что на

повозку — на еду медяка не останется.

Тётушка из семьи Ван не осталась в долгу:

— А хоть бы и родичам! Отец с матерью меня растили. Не то что некоторые: отец едва в землю сырую лёг, а они уже себе белоручку в дом притащили.

Цзяо Гэ'эр покосился на Вэнькана:

— И впрямь белый. Это уж получше будет, чем у некоторых — у кого и лицо, и нутро чернее сажи.

Старуха аж зубами закрипела от злости.

— Языком чесать ты мастер. Да только с таким задохликом наплачешься ты ещё.

— А чего мне плакать? — Лю Тяньцзяо и бровью не повёл. — Удача со мной. Сама Сваха Чжэн сказала — Вэнькану моему на роду написано великим человеком стать.

По деревне уже всю гуляли слухи, что грамотей в поле слабее ребёнка, и соседи лишь презрительно кривились, ожидая, когда он пустит по ветру наследство Лю Лаода.

Ван Чансю, невестка старосты, решила вмешаться:

— Да ладно вам, Тяньцзяо, люди же от чистого сердца... Беспокоятся.

Тётушка из семьи Ван тут же подхватила:

— И я о том же! Носятся с этим никчёмным мужиком как с писаной торбой.

Тяньцзяо холодно усмехнулся:

— Мой муж, может, для вас и никчёмный, да только он по притонам не шляется и всё из дома не проигрывает, в отличие от вашего братца. Такой живой позор уж лучше бы и вовсе на свет не рождался.